

А.А. Лазаревич
(Беларусь)

ИНФОРМАЦИОННО-КОГНИТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЗНАНИЯ И ЕЕ СТАТУС В КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Информация и знания, технологии их производства и социализации становятся сферой стратегических интересов современного общества. В своем материальном проявлении данные феномены детерминируют новые стратегии экономического и технологического развития современных государств. На уровне когнитивных и мировоззренческих процессов они обуславливают мобильность и креативность человеческого потенциала, формируют инновационные качества образования и культуры.

Тот факт, что прогресс человечества основан на знании, может рассматриваться как своего рода цивилизационная константа. Сознание и самосознание человека, любые социальные ситуации, роли и действия, экономические, технологические и культурные новации зависят от знания и опосредуются им. В первую очередь речь следует вести о научном знании как важнейшем элементе в структуре когнитивно-мировоззренческих императивов социального субъекта и стратегическом ресурсе общества. Актуализация данного ресурса во второй половине XX в. привела к тому, что знание стало рассматриваться не просто как сила, но как сила, способная создавать новое общество.

Представляется все более обоснованным одно из определений современного социума как *общества, основанного на знании*. Речь идет не столько о знании как неотъемлемом компоненте всемирно-исторического культурно-цивилизационного процесса, сколько о «взрывном эффекте» интегрального взаимодействия знания и новейших информационно-коммуникационных технологий (технологий социализации информации и знания). Данное объективное

обстоятельство побуждают к внимательному и систематическому рассмотрению феномена знания с точки зрения связи между классическими социокультурными традициями и их нео- и пост-интерпретациями.

Такие известные определения знания, как кантовское «единство рассудка и чувственности», совместимы с недавно хрестоматийным «субъективным образом объективного мира», «отражением объективной реальности», или аналитическим определением данного феномена как «оправданного убеждения» (А. Айер), оправданного этой реальностью. «Подобного рода определения, – отмечает И. Т. Касавин, – базируются на онтологических постулатах, относящих знание к реальности, или методологических максимах, задающих тип обоснования. Они же, в свою очередь, являются элементами философских концепций, определяющих нормативные критерии отграничения знания от того, что им не является» [1, с. 33–34].

Многовековые традиции осмысления феномена знания далеко не исчерпали себя. Более того, их современное развитие сопряжено с выявлением новой специфики, постановкой дополнительных проблем, доминированием, к сожалению, не всегда утешительного дисбаланса вопросов и ответов на них. Все это – в русле развития философского знания и когнитивных наук, направляющих свои познавательные интересы в глубины человеческой природы, психики и сознания, их объективной онтологической сущности и субъективной индивидуализации.

Когнитивная проблематика имеет давнюю традицию. В творчестве Платона центральной темой выступает понятие *знания как идеи*. С точки зрения философа, чувственное восприятие не дает устойчивого знания, так как вызывает не убежденность и уверенность, а только зыбкое мнение. Понятия же, если они правильны, являются неизменными, и только они дают истинное знание. Понятие должно иметь объект, к которому оно относится. Этот объект не может

быть идентичным чувственному восприятию, он должен быть сверхчувственным объектом – *идеей*.

Этому понятию Платон посвятил специальный диалог, где идет разговор о знании между умудренным Сократом и совсем еще молодым человеком по имени Теэтет. «Скажи честно и благородно, что, по-твоему, есть знание?» – спрашивает Сократ. На беседе присутствует математик Феодор – учитель Теэтета. Юный собеседник в ответ на вопрос Сократа замечает, что знание – это умение что-то делать, скажем, умение сапожника шить сапоги. На что Сократ бросает упрек: вопрос ведь не в том, о чем знание, или сколько бывает знаний, но в том, что такое знание само по себе. Надо дойти до смысла понятия знания, а не перечислять, о чем бывает знание.

Сократ, как известно, подверг критике сведение знания к ощущениям. По Платону, знание содержится «вовсе не в ощущении, а в том имени, которое душа носит тогда, когда сама по себе занимается рассмотрением существующего» [2, с. 245]. Другими словами, знание заключается не в чувственных восприятиях, а в умозаклчениях, в мышлении. Мыслить – значит рассуждать; мышление – это процесс, в котором «душа ведет рассуждения сама с собой о том, что она наблюдает» [2, с. 249].

В XVI в. Ф. Бэкон, основоположник философии Нового времени, изложив в своем «Новом органоне» «научный» метод, рассмотрел основные факторы знания, или четыре «идола», которые, по его мнению, терзают ум, – идола рода, пещеры, рынка, театра, то есть, по сути – общество, личность, общий язык и манера выражаться, философская система, среда, привычка. Философ полагал, что следует «стремиться к тому, чтобы обновилось или, по крайней мере, улучшилось соединение между мыслями и вещами». Для него нет ничего в разуме, чтобы до этого не прошло через чувства. Индуктивный метод означал для Бэкона «форму доказательства, которое присматривается к чувствам,

стремится постичь естественный характер вещей, стремится к делам и почти с ними сливается». Люди договариваются при помощи речи, а слова определяются общим пониманием. Но плохой или неправильный выбор слов мешают разуму. И «плохо также то, что человеческое познание вытекает из того, что является общепризнанным» [см. 3, с. 353–360].

Не авторитет, а могущественная сила Знания была провозглашена Р. Декартом в его «Правилах для руководства разума». Гегель отмечал, что французский философ исходил из требования, что мысль должна начинать с самой себя. *Cogito, ergo sum* – «Я мыслю, следовательно, я существую», – постулировал в своей философии Декарт.

И. Кант исходил из того, что знания во многом покоятся на опыте, но они вытекают из опыта не целиком. Знания формируются также на основе так называемых априорных (трансцендентальных) идей, которые в рациональном виде следует понимать как аксиоматику унаследованного опыта. По Г. Гегелю, «сознание есть собственно знание о каком-либо предмете... Сознание не просто знание, а определенное отношение через знание к предмету» [4, с. 80].

Э. Гуссерль защищал постулат об объективном характере объекта и выступал против его субъективизации (новых идеалистических теорий познания) и распространенного в то время психологизма. Философ стремился «в логические идеи, понятия и положения внести гносеологическую ясность», проникнуть в понимание их значения. Но уже его ученик Р. Ингарден писал своему учителю: «*Проблема* познания ставится тогда, когда собственно познание уже совершилось, и когда речь идет уже собственно об *узнавании*. Мы имеем определенную идею данного предмета, и речь идет о том, согласуется ли данный... предмет с “идеей”». Это был эскиз более позднего конвенционализма, обоснованный Т. Куном в работе «Структура научных революций» [5].

Феномен знания по-прежнему остается открытой проблемой. Чтобы определить особенности ее решения на данном этапе, нередко приходится иметь дело с разделительным принципом оценки информации и знания. Сами по себе и информация, и знание рассмотрены в научной литературе в достаточно широком диапазоне. Однако в избранном нами аспекте речь идет не об этом. Имеется в виду именно их соотношение, взаимообусловленность и взаимопереходы, и эти вопросы оказываются главными при рассмотрении закономерностей становления общества, основанного на знании, и функционирования знания в информационно-коммуникативном пространстве данного общества.

В связи с поиском решения отмеченной проблемы возникла *когнитивная* концепция информации. В соответствии с ней информация понимается как знание, отчужденное от непосредственного создателя и обобществленное путем вербализации и закрепления на материальном носителе. В таком случае, как показал Ю. А. Шрейдер, информация может рассматриваться как превращенная форма знания, в которой это знание представлено [6, с. 21-24]. В соответствии с данной концепцией, информация способна превращаться в новое знание пользователя, творческий акт воссоздания личностного знания на основе полученной информации. Знание в данной связи понимается как личностный человеческий феномен.

Когнитивная концепция информации в известной степени противостоит *кибернетической*, берущей начало в работах К. Шеннона. Суть последней состоит в том, что информация о некоторой области (системе) превращается в информацию об управляющем воздействии (управляющий сигнал). В кибернетическом подходе, на наш взгляд, абсолютизируется объективная сторона информации, что обуславливает недооценку ее субъективного, личностного

восприятия. В. М. Глушков в свое время подчеркивал, что можно, «с одной стороны, охарактеризовать информацию как совокупность возможных сведений, которые циркулируют в природе и обществе, в том числе и в созданных человеком технических системах, а с другой стороны, такое рассмотрение дает возможность описать ее как меру неоднородности в распределении энергии (или вещества) в пространстве и во времени» [7]. Этим подчеркивается, что информация существует, поскольку существуют материальные системы (вещество, поле и т. д.) и идеальные системы (наука, право, мораль, искусство, религия и т. д.), которые характеризуются различными типами неоднородностей и их познанием. Иными словами, объективный характер информации не обязательно связан с процедурами ее осмысления.

Нельзя не согласиться и с замечанием Ю. А. Шрейдера в адрес кибернетической концепции: «Представим себя в ситуации, когда надо выбрать один из вариантов поведения. Получив информацию, что первый вариант для нас запрещен (или исключен по объективным обстоятельствам), мы оказываемся в положении управляемой извне системы. Узнав затем, что есть еще один непредвиденный вариант, мы попадаем в более ответственную ситуацию. А если мы узнаем, что варианты отличаются не только сравнительной выгодой для нас, но и риском для других? Тогда выбор становится личностным поступком, требующим от нас человеческих качеств. Стало быть, информация, служащая для представления человеческих знаний... – это нечто качественно иное, чем информация как управляющий сигнал. Но это качественное различие создается присутствием человека, способного извлечь из информации, записанной на бумаге или закодированной в ЭВМ, нечто такое, чего ни на бумаге, ни в ЭВМ нет и не было, – человеческие знания, позволяющие реализовать человеческую свободу выбора» [8, с. 64].

Из анализа подобных ситуаций напрашивается вывод о возможностях превращения информации, как управляющего сигнала, в качественно иные информационные образования с иными функциональными свойствами. В процессе подобных превращений информационно-управляющее воздействие постепенно «нейтрализуется» (компенсируется) личностным осмыслением поступающей информации. Причем в этом поступлении постоянно увеличивается доля информации, которая превращается в знание в результате личностной «ассимиляции»¹. «Отчужденное» от непосредственного субъекта-носителя и объективированное с помощью материальных носителей, оно вновь превращается в информацию. В этом смысл когнитивной концепции, те преимущество в сравнении с кибернетической заключается в учете личностных (человеческих, субъективно выраженных, экзистенциальных) качеств. Информация потому и является информацией, что она может быть воспринята и оценена. Этим не исключается ее объективное существование, но лишь подчеркиваются социально и личностно значимые аспекты.

Вообще противопоставление кибернетической и когнитивной концепций нельзя считать достаточно корректным. В сущности, оно возникло и существует в связи с неоднозначным (порой ревностным) отношением ряда исследователей к информатике и ее предмету. «Все, что связано со знанием как таковым, его природой, свойствами, механизмами функционирования и развития,

¹ И в этом случае все же нет оснований абсолютизировать противопоставление когнитивной концепции информации ее кибернетической трактовке как управляющего сигнала. При использовании информации субъектом вполне возможны ситуации, когда происходит «механическое» усвоение ее содержания, не сопряженное с когнитивно-творческими актами. В таких случаях говорят, что знание «овладело» человеком. Если же рассматривать обратную ситуацию, когда, так сказать, человек овладевает знанием, то есть его знания получают ярко выраженную индивидуальность и неповторимость, то и в этом случае отрицание некоторого управляющего воздействия равносильно признанию того, что человек не поступает в соответствии со своим знанием.

трансформациями и т. п., – пишет Э. П. Семенюк, – вполне правомерно считать предметом такой отрасли науки, как когнитология или, допустим, психология когнитивной деятельности... феномен знания для такой специфической дисциплины – абсолютный семантический центр, фокус пересечения всех направлений ее научной проблематики. Когда же речь идет об информатике, представляется вполне естественным такой смысловой эпицентр видеть в феномене информации и связанных с ней процессах, а не в чем-либо ином. Таким образом, все другие моменты (в том числе, например, когнитивные) неизбежно должны в данном случае потесниться, отодвинуться в сторону от предмета, уступая место в его составе главным, определяющим вопросам» [9, с. 5].

Сторонники когнитивной концепции считают, что специфические проблемы информатики возникают в связи с задачами информационного представления накопленных знаний в форме, удобной для обработки, передачи и творческого реконструирования пользователем. Информатика занимается наведением мостов через пропасть, разделяющую информацию и знание как сущности разной природы. Она, следовательно, изучает не саму информацию и не информационные процессы, а процессы взаимоперехода информации и знания. Предметом информатики является сфера взаимоотношений знания и информации [8, с. 66–67].

Прав, конечно, Э. П. Семенюк в том, что феномен знания, его свойства, закономерности возникновения и развития могут составить семантический центр когнитологии. Но как быть с теми проблемами знания, которые возникают в связи с активным развитием современных процессов и средств информатизации общества? Понятно, что последние относятся к компетенции информатики. Но можно ли в данном случае оперировать информацией, не имеющей отношения к человеку, его знаниям, то есть обойти проблему взаимосвязи информации и знания?

Основу функционирования современных социально-информационных систем составляет информация не столько в традиционной, сколько в когнитивной трактовке. Знания выступают сегодня главным информационным ресурсом. В то же время можно ли считать принципиальными дискуссии, сводящиеся к разграничению предметов исследования научных дисциплин? Аналогичные вопросы вполне могут рассматриваться несколькими научными дисциплинами. Как раз в этом и состоит некоторое противодействие чрезмерно усиливающейся дифференциации знаний. Кстати, данная тенденция не может противоречить идеалам самой информатики, основывающейся на принципах обобщения и синтеза информации, возможностях ее концентрации в доступных для человека формах, источниках и т. д.

Оценивая перспективы взаимосвязи информации и знания в условиях активного развития процессов компьютеризации общества, А. И. Ракитов выдвигает концепцию информационной эпистемологии. «Возникновение “интеллектуальной технологии”, – пишет он, – и жгучий интерес к природе и возможностям машинного мышления, порожденный компьютерной революцией, привели к формированию нового нетрадиционного раздела – информационной эпистемологии. Она исследует не те или иные виды научного знания, а знание вообще, но под особым углом зрения, с позиции переработки и преобразования информации в ее высшую форму – знание. Информационная эпистемология исследует различные способы представления и выражения знаний и возможности построения знаний с помощью технических систем. В силу этого фокус информационной эпистемологии перемещается на обыденное познание и здравый смысл, поскольку они являются изначальной формой познавательной деятельности, к тому же формой универсальной, всеохватывающей, энциклопедической, наиболее сложной, разнообразной и богатой» [10, с.149–150].

К основным проблемам «информационной эпистемологии», отмечает Ракитов, относятся следующие: что такое информация; как она передается, трансформируется; каковы функции и соотношения сигналов и кодов; какова эпистемологическая функция компьютеров, могут ли они мыслить; как из информации создаются знания; как соотносятся информация, смысл и значение; каковы способы компьютерного представления знаний; какова связь информации и языка; как осуществляется компьютерное понимание и взаимопонимание компьютера и человека; можно ли редуцировать мыслительные процессы к вычислительным функциям или через них представить и другие [10, с. 150].

Как видно, круг обозначенных проблем достаточно широк. Они имеют комплексный характер и не предполагают жесткого противопоставления информации и знаний. Наоборот, здесь акцентируется ряд аспектов междисциплинарного синтеза представлений (техно-технологических, когнитивных, социокультурных, философско-мировоззренческих), выступающих предпосылкой интегральной соотнесенности информации и знания в коммуникационно-компьютерных сетях современного общества.

Действительно, изучение современных процессов и тенденций информатизации общества включает широкий спектр проблем. Здесь имеют место и психологические, и культурологические, и экономические, и социально-политические и другие проблемы. Основополагающее значение в этом ряду принадлежит, конечно же, собственно информационным процессам и тенденциям. Да и суть становления информационного общества связана с достижением соответствующего уровня «движения» информации. Вопрос состоит в том, каковы содержание и структура этих информационных процессов. Составляют ли их основу некоторые сугубо информационные компоненты

либо здесь имеют место уже затронутые выше трансформации функциональных свойств информации и ее переходы в знание и обратно. В последнем случае нет оснований противопоставлять информацию и знание, поскольку речь идет не о наличии критериев их различения, а об интегральных тенденциях формирования и функционирования определенного информационно-когнитивного «продукта», который при необходимости может быть дифференцирован в соответствии с критериями и оценками, предъявляемыми к информации и знанию как сущностям разной природы.

Вполне понятно, что не всякая информация является знанием, в то время как знание по своей природе и содержанию всегда информативно. Кстати, в этом состоит смысл одного из замечаний Э. П. Семенюка в адрес когнитивной концепции, в соответствии с которой информация понимается как превращенная форма знания. По этому поводу он пишет: «...когда информация трактуется как превращенная форма знания, совершенно ясно, что это и не вся информация, а лишь те ее виды, которые связаны с сознанием человека» [9, с. 4]. Это замечание подтверждает информационно-когнитивную концепцию знания.

Изменившиеся условия функционирования знаний затрагивают не только его объективированные формы, получившие неведомые ранее технические и технологические возможности реализации. Успехи информационного общества связываются не с этим. Объективированные знания, какие бы материально-технические носители ни имели, не могут сами по себе эффективно функционировать без некоторых специфических особенностей их восприятия, понимания, личностного осмысления, что, в свою очередь, связано с определенными социально-культурными феноменами существования самого человека. По сути, к этому сводится, сформулированный М. А. Розовым, культурологический принцип

дополнительности, указывающий на неполноту модели знания К. Поппера [11]. Современные информационные технологии обострили проблему функционирования индивидуальных («живых») человеческих знаний. Не случайно сегодня все активнее утверждается точка зрения, связанная с актуализацией перехода от логистической парадигмы, акцентировавшей роль объективированного знания, к когнитологической, утверждающей значимость личностного знания [12, с. 4–25].

С другой стороны, превращенные (объективированные) формы человеческого знания позволяют глубже проникнуть в его структуру и связь с актуальными информационными ресурсами общества. Особенно важен в этом отношении анализ новейших компьютерных достижений – экспертных систем представления (объективирования) знания высококвалифицированных специалистов различных областей деятельности.

Сущность знания раскрывается в реальных человеческих связях и отношениях, которые характеризуются условиями и особенностями социальной коммуникации. Иначе говоря, знание – это коммуникативный феномен, и процедуры его продуктивной рефлексии раскрываются возможностями интерактивных практик людей.

Познавательный опыт человека имеет конкретно-исторически обусловленный статус. В эпоху раннего Модерна он был необходимой абстракцией когнитивных практик «атомизированного» общества. Однако в условиях становления информационного общества, познающий субъект настолько вовлечен в различные потоки сообщений, что во многом утратил когнитивную автономию и шансы на критическую рефлексию. Тремя факторами, иницирующими такое состояние, являются влияние СМИ, существование науки по преимуществу в форме социального института, наконец, коллективные формы производства

знания («смерть автора»). И здесь идея гносеологической реконструкции оказывается не столько описанием реального положения дел, сколько нормативным требованием автономности мышления: выбора, экспериментирования, рефлексии, языкового выражения. В таком контексте «сегодня по вопросу о природе знания-сообщения в аналитической философии конкурируют три основных подхода: редукционизм, дуализм и кредулизм (credulism)... Третья позиция состоит в утверждении приоритета коммуникативного знания: коммуникация – источник и условие опыта, всякого познания вообще... предстоит... объединить внимание к истории и культуре с учетом коммуникативно-семиотической природы познания и сознания, делая своим предметом взаимодействие между креативной личностью и ее окружением» [13, с. 48, 50, 53].

Знание имеет сложную структуру, в которой выделяются более десяти его типов. Вот лишь некоторые из них: периферическое (маргинальное) знание; инструментальное; неявное знание в форме умений и навыков; контекстное (индивидуальное понимание проблемы в данном контексте); ассоциативное (знания-ассоциации, возникающие в определенной связи); недоговариваемое (кажущееся якобы очевидным) и др.

Проявление, а тем более социализация данных типов знания практически невозможны вне создания и реализации элементарных коммуникативных предпосылок, выступающих условием понимания и взаимодействия людей друг с другом в различных социально-культурных средах. В принципе для любого другого типа социально-коммуникативных практик эти (или им подобные) предпосылки необходимы. Они выступают важнейшим элементом коммуникативного процесса, выражая специфику его нормотворчества, что обусловлено конкретным характером профессиональной деятельности и ее этической культуры.

Однако, безотносительно к тому или иному типу когнитивных методологий и практик, возможны и практикуются процедуры осмысления и восприятия собственных знаний. Последние, как известно, содержательно связаны с познанными явлениями, которые не только не входят в структуру наличного знания, но и объективно противопоставлены ему. Поэтому даже в случае, когда мы пытаемся рефлексировать собственные знания, речь все равно идет о возможности их опосредованного проявления в системах внешних, по отношению к процедурам рефлексии, связей и отношений. Парадокс в том, что на сугубо индивидуальном уровне знание никак не проявляется и поэтому требует либо индивидуально-предметной (субъект-объектной), либо индивидуально-субъектной (субъект-субъектной) дискурсивности. Дискурсивность в данном случае – это нечто такое, что позволяет оценить знание как знание, проявиться ему в системе определенных норм, взаимопониманий, эталонов, социокультурных практик, условностей, символов и т. п., то есть в системе других миров знания.

М. Хайдеггер определил такую ситуацию как «прислушивание к мысли мыслителей», итог «диалога со своими предшественниками» [14, с. 289]. Это близко к тому, что Н. Элиас метафорически показал на следующем примере: «Представим себе... группу танцующих, – пишет он. – Подумаем о придворных танцах, менуэтах и кадрилиях, или о крестьянских танцах. Все шаги и поклоны, все жесты и движения, которые здесь производит отдельный танцующий, полностью согласованы с другими танцорами и танцовщицами. Если каждый из танцующих индивидов рассматривался бы сам по себе, то невозможно было бы понять смысл и функции его движений» [15, с. 36].

Иначе говоря, коммуникативная природа знания проявляется не только в том, что оно нерелексируемо вне коммуникативной ситуации – будь то диалог с внешним

собеседником или диалог с самим собой. Оно и не приобретается и не постигается вне интерактивной связи с заново актуализированным предшествующим и настоящим актуальным опытом.

Для современных типов социально-коммуникативных отношений характерно соблюдение не только индивидуально (коллективно)-психологических и духовно-культурных норм, но и учет другой составляющей коммуникативной среды – пространственно-временных характеристик, которые сегодня выступают в своей активно-преобразующей функции. Последняя все более серьезно заявляет о себе благодаря формированию глобального информационного пространства и нетрадиционных средств коммуникации.

Наиболее распространенные информационно-коммуникативные практики основаны преимущественно на вербальных технологиях передачи и социализации знаний, особенно если исходить из сформулированного Д. Беллом и разделяемого М. Кастельсом определения знания как «упорядоченного множества утверждений, фактов или идей, представляющих обоснованное суждение или результат эксперимента, которые передаются другим через средства коммуникации в определенной систематизированной форме» [16, с. СLJ]. Но и вербальные технологии трансляции и усвоения (ассимиляции) знания не являются целиком универсальными и безупречными. «Запечатлел ли Рафаэль, – пишет М. Ильин, – какую-либо истину в “Сикстинской мадонне”, и как она была явлена Достоевскому, многократно стоявшему перед творением великого мастера? Можно утверждать, что именно эту неодинаковость – множественность – материально объективируемых ликов истины имел в виду Витгенштейн: “То, что может быть показано, не может быть сказано”. Истина или ложь могут быть не только сказаны средствами вербального суждения, но и показаны – явлены – в иных материализованных формах. Но при этом показанное – воплощенное – в пластике

(скульптуре, живописи) или мелодии находятся вне возможностей быть сказанным в вербальном суждении. “Попробуйте сказать что-либо логическое об улыбке Моны Лизы!” – восклицал Вебер, рассуждая о феномене красоты» [17, с. 156].

По причине невозможности (или, по меньшей мере, затруднительности) полного вербального «отображения» знания и появился комплекс других, в том числе и вышеназванных технологий экспертных систем, средств коммуникационной экспликации знания. Тем не менее, какими бы развитыми данные средства ни были, верным остается высказывание М. К. Мамардашвили относительно того, что «знание не пересаживаемо из головы в голову в силу одного простого онтологического обстоятельства: никто вместо другого не может ничего понимать, понять должен сам... И этот акт понимания... должен совершиться или не совершиться, т. е. знание не перекачиваемо в другую голову, как в некую пустоту перекачивалась бы жидкость» [18, с. 12].

Акт понимания, как механизм личностной креативной состоятельности человека, является важнейшим элементом любой социально-коммуникативной системы в любых ее структурных и ситуативных проявлениях. Собственно говоря, на этой когнитивно-психологической и гносеологической интенции строятся необходимые для общества и человека модели знания и интеллектуального творчества. Если представить даже какой-либо элементарный уровень всей сложной системы социальных отношений вне контекста понимания, такая система не будет иметь перспективных сценариев развития, ибо объективный механизм кристаллизации знания в подобных системах неизбежно будет нарушен и деформирован.

Общий контекст современной когнитивной ситуации все более не уместается в классических пределах «предмет – субъект» и даже в не лишенных *ratio* неопозитивистских

рамках формулы «Нет объекта без субъекта». Это особенно очевидно в современном информационном мире. Традиционно в информатике считалось, что пользователь – субъект имеет дело с объектом, в данном случае – с информацией. Благодаря рефлексии (способности человека организовать свои знания) становится ясно, что это взаимодействие имеет более сложный характер *интер-субъектных* отношений. В каждый момент единичный субъект вступает в коммуникационные отношения с коллективным субъектом (инфосферой). В основе этих взаимозависимых отношений лежит стремление к взаимопониманию. Общение пользователя с инфосферой состоит в получении им необходимых знаний, то есть превращении информации в актуализированные знания, а также их передаче в общественное пользование путем превращения знаний в информацию [19, с. 17–18].

Постнеклассическая наука исходит из того, что в русле современных трансформаций общества субъекты все чаще имеют дело не просто со сложными, но и «человекоразмерными» (В. Степин) системами. Наряду с традиционными типами таких систем (биосфера как глобальная экосистема, биогеоценозы, различные промышленные и социальные объекты), отличительной особенностью современного общества является формирование принципиально новых типов таких человекоразмерных систем, как, например, системы «человек – компьютер», «компьютерные сети», «телекоммуникационные сети» и т. п. «В стратегиях деятельности со сложными, человекоразмерными системами, – отмечает В. С. Степин, – возникает новый тип интеграции истины и нравственности, целерационального и ценностно-рационального действия. Научное познание и технологическая деятельность с такими системами предполагает учет целого спектра возможных траекторий развития системы в точках бифуркации. Реальное

воздействие на нее с целью познания или технологического изменения всегда сталкивается с проблемой выбора определенного сценария развития из множества возможных сценариев. И ориентирами в этом выборе служат не только знания, но и нравственные принципы, налагающие запреты на опасные для человека способы экспериментирования с системой и ее преобразования» [20, с. 69].

Особенности включения человекомерных объектов в систему современной коммуникации обусловлены тем, что традиционная структура таких объектов значительно трансформируется. Обычно она включает в себя следующие элементы: человек – техническое устройство – природная среда – социокультурная среда. Современные сценарии затрагивают и изменяют фактически все элементы сложных саморазвивающихся систем.

Наибольшей трансформации подвержены социальный (человек, культура) и технический компоненты этих систем. В отличие от громоздких технических объектов индустриальной эпохи, современная техника, во-первых, минимизируется, при этом усложняясь, во-вторых, она интеллектуализируется, принимая на себя все больше и больше алгоритмических функций принятия решений и управления. Формально-логический контекст функционирования знания в таких системах кардинально отличается от версий его генерации и трансляции в классических системах социальной коммуникации, связанных с рассмотренными выше процедурами смыслополагания и понимания. Если же рассматривать актуальный для современности человеко-компьютерный симбиоз, то здесь вообще трудно провести различие между собственно человеческим и собственно техническим.

Но проблема не столько в этом, сколько в формирующейся в информационную эпоху тенденции, если не нивелирования, то, по крайней мере, своеобразной «машинизации», «технизации» мыслительных и креативно-

смысловых функций человека. Речь идет, во-первых, о том, что в условиях интенсивного роста информации сознание человека не в состоянии продуктивно, а нередко и просто адекватно, ее ассимилировать, во-вторых, и, может быть, вследствие этого, процедуры личностного понимания и генерации индивидуальных когнитивных смыслов (знания) активно заменяются «механической» трансляцией информации в сетях социальной коммуникации. Иначе говоря, современные информационные технологии существенно повлияли на экспоненциальный рост коммуникационных сетей, креативная составляющая которых при этом заметно трансформировалась.

Вспомним структурную «композицию» феномена коммуникации. Условно ее можно представить в виде сообщения (послания), интерпретации (восприятия, понимания) и трансляции (передачи). Сообщение – это своего рода «вещь», передаваемый «продукт» информационного содержания; интерпретация – это «мысль», конституируемое знание; трансляция – это операция его передачи, основанная на соответствующих технологиях. Противоречивость современного коммуникационного процесса состоит в том, что именно *трансляция*, основанная на технологических новациях, начинает определять вектор его трансформации.

В истории развития человеческого общества доминирующую роль играл процесс производства и накопления знаний. Именно на этой основе были в общих чертах созданы те системы объяснения реальности, которые с небольшими изменениями дошли до нашего времени и играют по-прежнему основную роль в процессе накопления объективной информации об окружающем мире. Принципиальное отличие современной эпохи заключается в ином – сейчас неизмеримо больше коммуникаций, строящихся в основном на процедурах передачи информации. Тиражирование, но не создание

интеллектуального продукта, передача сведений о нем посредством печатных изданий, телеграфа, радио, телевидения, лекций и семинаров в рамках системы образования, а теперь еще и Интернета, коренным образом отличает современное общество и демонстрирует сущность предпосылок феномена десубъективизации (деперсонификации) знаний. И за словом «знание» сегодня все чаще скрывается понятие «информация» как необязательно рефлекслируемое человеческим сознанием (пониманием) сообщение, передаваемое (принимаемое) с помощью технологий социальной коммуникации. Отсюда парадокс Бодрийера: в мире все больше информации и все меньше смысла. Более информированный человек сегодня – это не тот, кто обладает большим объемом знаний, а тот, кто участвует в большем числе коммуникаций. Особенность этих коммуникаций такова, что их информационная основа не содержательна («знание») и не предметна («продукт»). Информация в структуре подобных коммуникаций имеет операциональный характер.

В традиционном обществе информация не могла претендовать на ту роль, которую играет теперь. Только как коммуникация, а не как знание, информация способна вызывать новые операции. Люди действуют, используя информацию, а коммуникационные потоки, подобно сырьевым или энергетическим, не только не поглощаются как ресурс деятельности, а напротив – умножаются и ускоряются. Это происходит потому, что в современных условиях информация не столько интеллектуально-знаниевый ресурс, сколько стимул (мотив) деятельности [21, с. 96].

В современную эпоху информация все чаще ассоциируется с коммуникацией как недостаточно рефлекслируемым информационным обменом. В связи с этим становится понятным, почему главным феноменом компьютерной революции стал Интернет, а не обещанные

футурологами базы знаний или искусственный интеллект. Сегодня хорошо известно, что в этой глобальной сети фактически не создается никакого знания, но зато многократно увеличиваются возможности коммуникаций. «В организованном подобным образом информационном потоке, – пишет Д. В. Кузнецов, – на первое место выходит не передача данных о свойствах товара или услуги, т.е. рациональная денотация объекта, а создание его образа, мобилизующего скорее аффективные коннотации. Именно образ приносит прибыль в современной экономике и стимулирует развитие рекламного бизнеса. Не за монополию на передачу сведений воюют владельцы СМИ, а за создание выгодного им или их заказчикам образа событий» [185, с. 96]. По меткому замечанию М. Маклюэна, высказанному еще в 60-х гг. XX в., действительным содержанием сообщения является сам сообщающий [22].

Иначе говоря, одной из характерных сторон современного информационно-коммуникативного процесса является тенденция девальвации его традиционной креативной сущности. Получается, что не в знании, а в создании привлекательных образов заключается притягательность современного субъекта социального действия. Оценивая данную ситуацию, А. Турен, видимо, не случайно пытается избежать терминов «информация» и «знание», когда пишет, что в современном обществе социальные конфликты возникают по поводу «символических благ» [23].

То, что коммуникация, как создание образов, играет в современном обществе важнейшую роль, подтверждается и в концепции М. Кастельса. Свой анализ он начинает с тезиса о сетевом обществе, в условиях которого успех зависит в первую очередь от способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях. Однако, наряду с этим утверждением, анализ новых форм экономики и культуры вынуждает Кастельса все же

опираться на понятия «коммуникационная система», «образы» и т. п. [24].

Критическая оценка современной коммуникационной практики может быть дана в контексте анализа наметившегося когнитивного поворота, основанного на сопоставлении так называемой классической (репрезентативной) и социально-конструктивистской концепций знания. Согласно первой из них, знание есть ментальное представление, логико-теоретическая репрезентация объективного мира. Вторая концепция (новый когнитивизм) акцентирует внимание на знании-представлении, где оно служит выражением и субъекта, и объективного мира, являясь продуктом их отношений. Суть поворота заключается в отказе от теории знания, как репрезентативного феномена, и переходе к его пониманию в рамках теории социального конструктивизма. Одно из следствий данной теории связывается с тем, что истина перестает быть «чистым» аналогом достоверности, а конституируется, в том числе, в социально и культурно значимых коммуникативных практиках. То есть знание в данном случае следует рассматривать как форму социального дискурса.

В отличие от постмодерна, заменившего изучение психологических процессов («смерть автора») анализом дискурсивных практик участников лингвистической деятельности, новый когнитивизм (позиция известного французского психолога С. Московичи) пытается преодолеть крайности репрезентативной и постпозитивистской (языковой игры) концепций знания. Данный подход признает относительную автономию социальной реальности и ее влияние на индивида, но в то же время внимание акцентируется на тех процессах, посредством которых психологические феномены продуцируют эту реальность, оставаясь ее продуктами [25, с. 101]. Московичи показал, что когнитивные системы, упорядочивающие образ мира,

социальны как с точки зрения своего генезиса, так и в содержательном отношении. Основные понятия, которые их составляют, берут начало в повседневной межличностной коммуникации. Тем самым когнитивный и коммуникативный аспекты представлений неотделимы друг от друга. Исходной идеей новой концепции знания является тезис о том, что социальное «измерение» не добавляется *post hoc* к когнитивным моделям, а органически в них вплетено.

Одной из важнейших проблем современной эпистемологии по-прежнему остается проблема типологизация знания. «Уже в рамках классической эпистемологии Нового времени, едва успевшей зафиксировать особенности своего предмета, – пишет в этой связи И. Т. Касавин, – возникали трудности с определением понятия “знание”. Можно ли, следуя традиционной логике, считать знанием лишь выраженные в языке суждения, подлежащие бинарной истинностной оценке? Являются ли формой знания нравственная норма, художественный образ, религиозный символ, философская проблема? Прав ли был Аристотель, фактически видевший познавательное содержание не только в том, что именовалось “эпистеме” (научное знание в современном понимании), но и в таких феноменах, как вера, мнение, нравственное суждение, повседневный опыт? Заслуживает ли названия “знание” опровергнутая научная теория, на определенном этапе истории признанная заблуждением? Наконец, как быть с неосознаваемым (и бессознательным) содержанием человеческих представлений, с познавательными предпосылками, герменевтическими “предрассудками”... с мыслительными навыками, с кантовскими априорными формами? Эту проблематику обостряет противостояние “двух культур” – естественнонаучного и социально-гуманитарного знания с контркультурными идеями “наукизации мистики” и “мистизации науки”, с

исследованием возникновения науки и проблемой рациональности» [1, с. 26].

И. Т. Касавин обращает также внимание на весьма важную и трудную задачу, возникшую в современной философской эпистемологии, – расставания с демаркационным подходом, то есть взглядом на знание как на то, что предполагает жесткое противопоставление науки и иных форм познавательной деятельности. В основание неклассической теории познания, по его мнению, следует положить типологический подход к знанию. Это будет наиболее обоснованным шагом с методологической точки зрения, поскольку избавит от необходимости поиска общего определения знания [1, с. 27].

Действительно, выработка универсальной дефиниции знания, чаще всего строящейся на его научных формах, значительно обедняет статус индивидуальных возможностей человека, поскольку нивелирует в системе его интеллектуальной активности другие возможные типы и формы обусловленности поведения и действий. Следует согласиться с тем, что знание – это комплексный феномен, сопряженный со всеми возможными познавательными практиками человека, состояниями его чувственно-сознательной сферы и верифицируемый нормами социальной приемлемости. Такой подход в принципе не противоречит позиции Л. Витгенштейна, который, подводя итог многовековой дискуссии о знании, заметил: «Не существует строгого употребления слова “знание”, но мы можем формулировать несколько таковых, каждое из которых более или менее согласуется со способами его употребления в реальной жизни» [26, р. 27].

Способы «употребления знания в реальной жизни» и идея И. Т. Касавина о необходимости типологического подхода к знанию – вещи, близкие по смыслу, но не тождественные. Типологический подход снимает задачу поиска общей, универсальной дефиниции знания по причине

ее непродуктивности в многообразных конкретных ситуациях духовно-предметного освоения мира. Этот подход определяется, скорее, идеалами дифференциации знания и лежит в плоскости философской рефлексии. Замечание же Витгенштейна относительно способов употребления знания в реальной жизни связано с интегральными онтологическими процедурами обоснования знания, то есть с так называемыми «первым и вторым этажом», в терминологии Н. Ф. Овчинникова. На «первом этаже» знание обращено к внешнему миру – либо к природе, либо к социальным структурам. На «втором этаже» оно как бы поднимается над самим собою, обращено к самому себе, самое себя превращает в предмет исследования. «Описывая первые шаги на «втором этаже» воображаемого строения, – замечает Овчинников, – можно сказать еще и так: мы встречаемся с эпистемологической темнотой... А порою мы не в состоянии подниматься так высоко в эпистемологическую темноту, иначе говоря, в неясную еще нам общую теорию знания, в особенности знания научного. Однако в конечном счете приходится утверждать, что структура знания такова, что без эпистемологического света на «втором этаже» невозможно движение и на «первом этаже», то есть немислимо исследование мира природы и познание социальных отношений. Внутренне присущее человеку стремление к познанию вынуждает собирать все свои интеллектуальные ресурсы, чтобы “повесить лампочку” на «втором этаже» с тем, чтобы высветить насущные проблемы познания мира» [27, с. 86].

Что касается рефлексии над знанием, то есть «второго этажа», то она, естественно, существует, хотя в этой связи и не лишено смысла сомнение немецкого философа В. Хёсле, который, анализируя воззрения Декарта, замечает, что «он открыто оспаривает возможность того, чтобы акт мысли был предметом другого акта мысли, следовательно, знанием о знании» [28, с. 19].

В последние десятилетия знание стало напоминать необъятный информационно-коммуникативный децентрализованный архипелаг, и, тем не менее, все более остро встает вопрос об управлении (knowledge management) этим приоритетным человеческим достоянием. Управление знаниями – это одна из самых обсуждаемых специалистами тем. На эту тему существует большое количество как теоретических работ, так и практических разработок. В мире созданы разнообразные консорциумы, институты, профессиональные сообщества, проводятся конференции, ведутся дискуссии. Обусловлено это тем, что управление знаниями рассматривается западными владельцами предприятий как то, что непосредственно влияет на прибыль, создает конкурентные преимущества, позволяет добиваться невозможных ранее результатов. Во всех крупных высокотехнологичных компаниях существуют соответствующие подразделения, а их деятельность контролирует директора по управлению знаниями (Chief Knowledge Management).

Истоки такой дисциплины, как управление знаниями, принято искать в деятельности шведского бухгалтера Карла-Эрика Свейби, который ввел в оборот и в бухгалтерские отчеты понятие «нематериальные активы» компании, к которым он, в первую очередь, отнес известность бренда компании, ее репутацию, компетенцию сотрудников предприятий, а также тот организационный контекст, в котором эти компетенции могли формироваться как целостность, а не как совокупность разрозненных знаний персонала. Собственно, то, что было подсчитано как нематериальные активы и заняло соответствующее место в финансовых отчетах, и стало называться в дальнейшем знанием. А система действий, которые позволяют в наибольшей степени использовать нематериальные активы компании для получения прибыли и создания конкурентных преимуществ, получила название управления знаниями.

Особую значимость управление нематериальными активами приобрело в конце XX в., что было связано с возрастанием конкуренции на мировых рынках и с необходимостью перехода от рыночных механизмов формирования прибыли к ресурсным. Это значит, что бизнес начал формировать свою прибыль в первую очередь посредством уменьшения издержек, наиболее эффективной организации труда, сокращения времени на принятие решений, преодоления стереотипных и устаревших схем действия и, главное, за счет ориентации на инновации.

Инновационным современный бизнес стал не столько в отношении собственных продуктов (рыночная ориентация), сколько в отношении собственной деятельности (ресурсная ориентация) – технологий, проектов, инструментов, стратегий, специфической организации бизнес-процессов и т. д. На этом этапе стало понятно, что ключевые или стержневые компетенции надо не только выявлять и фиксировать в стратегии компании, тем самым определяя конкурентные преимущества, но еще и развивать, а также проектировать и программировать будущие характеристики ключевых компетенций.

По большому счету, создание системы управления знаниями направлено, во-первых, на уменьшение издержек производства (количества действий, затрачиваемых на достижение цели), а тем самым – на уменьшение времени, во-вторых, на повышение инновационности компании. Достигаются эти цели за счет создания системы поиска, производства, распределения, применения и хранения знаний. Управление знаниями в таком случае сводится к организации инфраструктуры, позволяющей осуществлять эти действия.

Хрестоматийным примером, поясняющим этапы выявления и формализации знаний компании, стала концепция спирали знаний, увековечившая хлебопечку, производимую компанией Matsusita Electric Industrial

Companу. Японские ученые Икуджиро Нонака и Хиротака Такеучи на основе изучения опыта создания хлебopечки построили концепцию спирали знания. Проблема с хлебopечкой, которая всякий раз неравномерно пропекала тесто, была решена, когда эксперт компании изучила опыт лучшего пекаря Осаки, его способ раскатывания теста и смогла повторить его основные действия в технологических решениях компании. Ученые выделили следующие этапы создания знания: социализация, когда эксперт узнает секреты пекаря, формируя собственные неявные знания через усвоение неявных знаний пекаря; экстернализация, когда она свои неявные знания переводит в явные, поскольку вынуждена рассказывать о том, как она работает в инженерной команде; комбинация, когда команда на основе полученного знания составляет рабочие документы и справочники, воплощает эти знания в продукцию; и, наконец, интернализация, которая означает обогащение своего личного неявного знания за счет опыта создания новой продукции.

Заметим, что знанием здесь называется то, чем оперируют, то, что передают друг другу, формализуют и выявляют сотрудники компании. Сам же процесс обретения знаний, их использование, развитие, обновление и включение нового знания (или исключение старого) в деятельность стало называться процессами организационного обучения. Обучающаяся организация становится организационной оболочкой процессов управления знаниями. Манифестом обучающейся организации стала книга Питера Сенге «Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации (1990 г., новая редакция 2007 г.)». В ней была изложена идеология коллективов, ориентированных на непрерывное решение организационных задач.

В заключение

Современную информационную эпоху можно назвать эпохой доминирования деперсонифицированного знания, т.е. знания-информации, по-другому – информации как превращенной формы знания. Информационно-когнитивная концепция знания представляет собой модель конституирования и функционирования знания в системе социальных коммуникаций современного общества. Данная модель актуализирует и раскрывает процессы взаимоперехода объективированных форм знания (знания-информации) и личностного знания субъекта. В рамках данной модели знание перестает быть чисто репрезентативным феноменом, поскольку конституируется в социально и культурно значимых когнитивных и коммуникативных практиках субъекта. Процедуры социализации знания определяются эффективными моделями и инструментами их управления. Информационно-когнитивная модель продуцирования и функционирования знания обеспечивает больше возможностей для саморазвития человека, осознанной реализации его креативных качеств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Касавин И. Т.* Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания / И. Т. Касавин. – СПб. : РХГИ, 1998. – 407 с.
2. *Платон* Собрание сочинений : в 4 т. / Платон. – М. : Мысль, 1993. – Т. 2. – 528 с.
3. *История философии в кратком изложении* / пер. с чеш. И. И. Богута. – М. : Мысль, 1994. – 592 с.
4. *Гегель Г. В. Ф.* Философская пропедевтика / Г. В. Ф. Гегель // Работы разных лет в двух томах. – М. : Мысль, 1971. – Т. 2. – 630 с.
5. *Кун Т.* Структура научных революций : пер. с англ. / Т. Кун. – М. : Прогресс, 1975. – 608 с.

6. *Шрейдер, Ю. А.* О феномене информационного продукта / Ю. А. Шрейдер // НТИ. – Сер. 1. – 1989. – № 11. – С. 21–24.

7. *Глушков В. М.* О гносеологических основах математизации наук / В. М. Глушков // Диалектика и логика научного познания. – М. : Наука, 1966. – С. 406–412.

8. *Шрейдер Ю. А.* Двойной облик современной информатики / Ю. А. Шрейдер // Природа. – 1988. – № 5. – С. 64–71.

9. *Семенюк Э. П.* Информатизация общества и развитие методологических проблем информатики / Э. П. Семенюк // НТИ. Сер. 2. – 1990. – № 12. – С. 2–9.

10. *Ракитов А. И.* Философия компьютерной революции / А. И. Ракитов. – М. : Политиздат, 1991. – 286 с.

11. *Розов М. А.* Информационно-семиотические исследования: процессы-эстафеты и принцип дополнительности / М. А. Розов // НТИ – Сер. 2. – 1984. – № 2. – С. 1–7.

12. *Героименко В. А.* Знание. Компьютер. Общество / В. А. Героименко, А. А. Лазаревич, Л. Г. Титаренко. – Минск : Наука и техника, 1992. – 151 с.

13. *Касавин И. Т.* Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии / И. Т. Касавин // Вопр. философии. – 2013. – № 6. – С. 46–70.

14. *Хайдеггер М.* Время и бытие : ст. и выступления / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1996. – 447 с.

15. *Элиас Н.* Общество индивидов / Н. Элиас. – М. : Праксис, 2001. – 336 с.

16. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Academia, 2004. – 788 с.

17. *Ильин М. С.* Две ипостаси слова / М. С. Ильин // Человек. – 2001. – № 5. – С. 149–158.

18. *Мамардашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности / М. К. Мамардашвили. – Тбилиси : Мецниереба, 1984. – 82 с.
19. *Бородина Н. А.* Социально-философский анализ информатизации образования : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Н. А. Бородина. – Ростов н/Д, 2012. – 26 с.
20. *Важно, чтоб работа не прекращалась...* Интервью с академиком РАН В. С. Степиным // Вопр. философии. – 2004. – № 9. – С. 16–72.
21. *Кузнецов Д. В.* Роль современных коммуникаций в формировании массового сознания / Д. В. Кузнецов // Философия и общество. – 2004. – № 3. – С. 92–104.
22. *McLuhan M.* The Medium is the Massage : an Inventory of Effects / М. McLuhan. – New York : Bantam Books, 1967. – 159 p.
23. *Touraine A.* The waning sociological image of social life / А. Touraine // International j. of comparative sociology. – 1984. – Vol. 25, N 1. – P. 34–44.
24. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture / М. Castells. – Oxford : Blackwell, 1997. – 461 p.
25. *Черникова И. В.* Современная наука и научное познание в зеркале философской рефлексии / И. В. Черникова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2004. – № 6. – С. 94–103.
26. *Wittgenstein L.* The Blue and Brown Books / L. Wittgenstein. – Oxford : Blackwell, 1978. – 2nd ed. – 185 p.
27. *Овчинников Н. Ф.* Знание – болевой нерв философской мысли / Н. Ф. Овчинников // Вопр. философии. – 2001. – № 1. – С. 83–113.
28. *Хёсле В.* Гении философии нового времени / В. Хёсле. – М. : Наука, 1992. – 223 с.